

Аман попытался разглядеть лицо богини, но, как и в случае с богами из его последнего визита в мир грёз, всё, что он мог видеть, было нечёткое лицо. Поэтому он не мог разглядеть выражение её лица. Когда демон бросился на неё, его глаза покраснели от ярости, а из ноздрей с каждым вздохом вырывался пар.

Верховой зверь Дэви, её лев, проревел свой собственный вызов и бросился навстречу битве. Земля содрогнулась от мощи двух противостоящих сил.

Они встретились посреди поля боя, подняв кольцо пыли, которое расширялось наружу.

Лев взревел от боли, когда смертоносные рога демона проткнули ему ногу, горячая кровь хлынула из глубокой раны. Борясь с болью, он укусил демона за мускулистую шею, и его когти оставили глубокие борозды на плече.

Хотя он не мог видеть лица Дэви, он почти чувствовал её гнев из-за травмы её питомца.

Одним движением, слишком быстрым, чтобы за ним могло уследить даже божественное видение, её рука сверкнула, и изогнутый церемониальный клинок, Харга, глубоко вонзился в шею Махисасуры. С болезненным рёвом конечности демона подогнулись под тяжестью удара, земля трещала под копытами, когда он пытался удержаться в вертикальном положении, хотя лезвие почти перерезало ему позвоночник.

Он попытался выдернуть рог из тела льва и отступить, но лев только сильнее сжал его, удерживая на месте.

Дэви Дурга безжалостно выдернула оружие из его позвоночника, отвела его назад и рубанула снова, не обращая внимания на тёплую кровь, которая брызнула на неё, придавая ей ауру ярости.

На этот раз её клинок пронзил позвоночник Махисасуры и прошёл сквозь остальную часть шеи, обезглавив его.

Обезглавленное тело билось в предсмертных судорогах, его конечности дергались из стороны в сторону, оставляя глубокие борозды. Борозды, которые вскоре наполнились его кровью.

Лев откинул голову назад и зарычал от радости победы, сместив безвольную голову Асуры, которая всё ещё была вставлена рогом в плечо.

Не было никакого предупреждения.

Только что обезглавленная туша демона неподвижно лежала на земле, а в следующее мгновение её живот взорвался ливнем крови, и из него с рычанием вырвалась окровавленная фигура Асуры, теперь уже в человеческом обличье. Ибо Махисасура мог иметь мириады

воплощений, и его коварная природа была известна всем.

Даже когда лев взревел о своей победе, Асура уже бросился на Дэви, выставив когти и оскалив клыки.

Его когти остановились всего в нескольких дюймах от её лица, кровь капала с их кончиков и падала на голову льва, заставляя его вздрогнуть от преждевременного торжества победы.

Махисасура посмотрел на свою грудь, где трезубец Дэви, Тришул, пронзил его сердце. Дрожа, он попытался вытащить божественное оружие, но силы его иссякли, и больше ему нечего было противопоставить.

Демон, правивший тремя мирами в течение некоторого времени, испустил последний вздох.

В тот же миг мир грёз растворился в психоделических узорах и завихрениях, прежде чем вся сцена началась заново.

Аман почувствовал, как что-то потянуло его душу, указывая на то, что он приближается к пределам своего использования Божественного видения.

Он поспешно попытался разглядеть что-нибудь полезное в мире грёз. Единственное, что он мог разглядеть, - это то, что за пределами поля битвы, примерно равного размеру парка, в котором находился пандал, мир стал покрываться неясным туманом.

Но вдалеке он заметил область ясности, хотя что в ней было, он не мог сказать.

Без предупреждения его зрение вернулось к его реальному телу, и глаза открылись, только для того, чтобы он снова плотно закрыл их, задыхаясь от боли. Глаза адски болели, и когда он прикоснулся к ним, то обнаружил, что всё вокруг них горит и излучает тепло.

Пошатываясь, он поднялся со стула и неспеша побрёл к фонтанчику, смочил носовой платок и прижал его к глазам, как холодный компресс. Он немного расслабился, когда боль немного уменьшилась. Повторив это дважды, он почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы открыть глаза.

Мир казался расплывчатым, и его глаза защипало, когда он снова огляделся. Вздрогнув, он достал телефон, сделал селфи и принялся изучать его.

Его глаза выглядели ужасающе, со вспухшими капиллярами в глазном яблоке, заставляя их казаться пугающе красными. Область лица вокруг тоже была в красных пятнах.

Он понимал, что переборщил, и использование этой способности в ту ночь могло ослепить его.

Он не хотел рисковать. Он решил вернуться на следующий день.

Прислонившись к фонарю возле питьевого фонтанчика, он подождал, пока пройдет головокружение и прояснится зрение, прежде чем направиться в ту сторону, где он увидел аномальное пятно ясности в мире грёз.

Он хотел понять, как соотносятся сны и реальность.

Добравшись до места, он с удивлением обнаружил ещё один пандал, хотя тот был размером всего лишь с одноэтажное здание, карлик по сравнению с тем, что был в парке.

Это была местная Пуджа, организованная членами местного клуба на пожертвования местных жителей.

Аман осознал природу видений, которые он видел в мире грёз....

До начала Пуджи мысли публики были расплывчатыми, иногда они собирались вместе, иногда расходились, как волны в океане.

Сцена, которую он видел с Махисасурой и Дэвами размером с гору, была похожа на цунами, результат коллективного подсознания, достигшего пика с одной конкретной сценой из мифа в качестве фокуса.

Теперь, когда Пуджа официально началась и пандалы были открыты для публики, мысли публики больше не были рассеяны, а сосредотачивались внутри установленных пандалов Пуджи, когда поток конденсировал их вместе.

Таким образом, вокруг каждого пандала разыгрывалась одна и та же сцена, изображенная на идолах: Дэви Дурга убивает Махисасуру. Чем популярнее пандал, чем больше шагов, тем сильнее отражение в мире грёз и тем больше фигур божеств, которые вели свою вечную войну.

Например, Махисасура и Деви Дурга, которых он видел над пандалом Бозе, были высотой около ста метров. Несравнимый с километровым демоном, которого он увидел в первый раз.

Аман почувствовал, что ухватил важный ключ, который может привести к разгадке тайны, связанной с действиями Раунака Боуза.